Франц Кафка и женщины. Эссе.

Как будто достаточно явно бросающаяся в глаза сентенция заглавия, на самом деле (в контексте данного эссе) заключает в себе несколько иной смысл. А быть может, и вовсе другой. Но уж, по крайней мере, совсем не тот, который вкладывает большинство из нас в то понятие, что - иной раз так характерно - выражает смысловое значение последнего слова. И тогда уже, -- нас будет интересовать только интерпретация (такого знакомого понятия) Кафкой.
Франц Кафка. Для него (для одного из многих?.. немногих?..) женщины представляли некое (и до конца непредсказуемое) 'зло', с которым попросту было необходимо считаться. Но уж никак нельзя было (в целях собственной безопасности) подпускать близко к себе. Ибо, в ином случае, -- вполне могли наступить ужасающие по своей неприглядной (а то и отрицательно выраженной) сути последствия, от которых пострадает, в первую очередь, психика. Ибо как раз на ее долю ляжет весь груз ответственности, которая может наступить в результате последствий от подобных действий. (А ведь дело еще усложняется природной, даже если хотите, генетической предопределенностью 'необходимости' 'контакта').
И тогда уже Кафка предпочитает держать всех (возможных) 'женщин' на расстоянии. Словно опасаясь (лишний раз) 'раскрыться' перед ними, впустить их вглубь себя.
Но вроде бы и правильная установка - оказывается совершенно бессильной перед реальностью. И уже вскоре Франц Кафка (противореча самому себе) начинает 'открываться' перед ними (вспомним боль откровений в письмах к Фелиции Б.). И расплата не заставляет себя ждать. (Впрочем, Кафка, -- все понимая,-- достаточно покорно принимает предопределенность 'наказания'. Предопределенность - судьбы).
Так было с Фелицией Бауэр. Подобное (быть может -- в еще большей силе предательства - одно из писем Кафки послужило с подачи этой женщины - причиной разрыва отношений его с невестой) случилось с Гретой Блох.
В какой-то мере и с Юлией Вохрыцек, и с Миленой Есенской,-- быть может только за случайным исключением его последней 'любовной привязанности' -- Доры Диамант, -- девушки, у которой Кафка умер на коленях,-- происходило все то же, быть может и подсознательно неосознаваемое 'предательство'. Предательство, и погубившее в конечном итоге Кафку. Предательство, -- почти изначально заключенное в лживой сущности 'их' характера.
\\\\ Но даже если это и не так,-- то уж почти наверняка: недостаточной силы интеллект этих мадам - явно не мог спродуцировать верное решение (своего - необходимого - поведения с Кафкой). А оттого, - страдали они. И от этого же, -- страдал он.
(Хотя, быть может, у некоторых из встречавшихся Кафке женщин - и вообще были 'серьезные проблемы' с интеллектуальным развитием. Нет, конечно же, кое-какой интеллект у них, по-видимому, был. Но тогда уже он, не иначе как, находился в прямой зависимости, - в какой-то мере, будучи прямо пропорционален, -- излишне заниженной самооценке этих самых мадам. Быть может и милых. Но, порой таких глупых). И с этим надо было считаться.
Вспомним этих 'возлюбленных' Кафки. Да, быть может, дальше, в большей мере, коснемся отношений с первой из них: Фелицией Бауэр. Фелиция Бауэр. 'Пустое' лицо этой двадцатипятилетней служащей телеграфного агентства, по всей видимости, было выбрано Кафкой (хотя много ли было соискательниц?) по нескольким причинам. Ну, во-первых, ему просто необходимо было что бы 'хоть кто-нибудь' был рядом.
(Напомним, что Кафка невероятно мучился от того, что приходилось жить с родителями. Хотелось хоть какой-то самостоятельности. И, в какой-то мере это вполне могло стать возможным,-- в случае, если бы он, например, женился).
Кроме того, наличие супруги Франц Кафка (на бессознательном уровне) рассматривал как возможность выйти из Эдипова комплекса.
Т. е. - вспомним Фрейда -- найти новый сексуальный 'объект' и, таким образом, окончательно высвободиться из-под влияния отца. Переключив внимание на что-то другое. И в том числе - в какой-то мере уменьшить влияние Сверх-Я, довлеющего над Кафкой и провоцирующего в нем возникновение тех бредовых ужасов и кошмаров, которые,-- наряду с тревожностью ожидания и непредсказуемой значимостью этого мира,-- были непреложным следствием его экзистенциального понимания своего

существования. А, быть может, и вообще - оправданности страдания. Причем, в последующем, характер встреч Франца Кафки и Фелиции Бауэр, - явно свидетельствовал о том же. (Живя в соседних городах -- Берлине и Праге,-- Кафка не только не делал попыток к встречам,-- предпочитая общаться в письмах,-- но и всячески противился, когда подобное 'сближение' намеривалась предпринять Фелиция).
Во-вторых, вполне можем предположить, что Фелиция, на самом деле, ему была и не так чтоб нужна. (Тем более что, по всей видимости, желание совместного существования было более выражено в бессознательном. Тогда как в сознании - Кафка искал и не находил 'оправданности' необходимости брака). И, быть может, его вообще вполне устраивало -- соотнесение своей возлюбленной к роли 'музы' (характер и, главное, частота встреч не иначе как об этом и свидетельствовали). Тем более, что в отношениях с ней -- попробуем предположить - Кафка проводил некий эксперимент (общения между влюбленными); и, тогда уже, совсем кстати, заметим, что чуть позже, апробированную на Фелиции Б. схему 'любовных отношений',-- Кафка применил по отношению к своим последующим 'возлюбленным'.
Действительно, с одной стороны, ситуация более чем парадоксальная. Представьте себе человека, который буквально 'забрасывает' письмами свою (выдуманную?) 'любовь'; иной раз, отправляя по несколько корреспонденций за день (причем до этого, - что касается собственных литературных произведений, - страдает от нехватки времени, сожалеет, что приходится писать после работы, по ночам,-- а тут, ради своего эпистолярного жанра, жертвует и рабочим временем - на многих отправляемых письмах Фелиции стоит штамп его приемной канцелярии - и редким и долгожданным отдыхом, да и вообще, создается впечатление что Ф. Кафка использует любую свободную минутку, дабы 'посвятить' свою возлюбленную 'в тайны прожитого дня').
А при этом, не только постоянно признается ей в любви, но и делится порой самым сокровенным. (Стоит обратить внимание, что Франц Кафка невероятно преображается в своих письмах: немного суховатая, выдержанная, с по Флоберовски отточенными фразами проза, -- словно отходит на второй план, уступая невероятной легкости восприятия этих 'откровений' любви; порой создается впечатление, что это пишет совсем даже не автор 'Замка' или 'Процесса', и уже вполне можно заключить, что по заложенному в строчках оптимизму, общей романтической направленности да стилистической легкости этих самых писем -- Кафка предстает перед нами совсем другим человеком). В какой-то мере, он ближе к себе, как к автору 'Америки'. (Если заметили, роман 'Америка',-- относившийся к его ранним произведениям,-- написан несколько в иной стилистической манере, чем более поздние вещи. Тот же 'Процесс' и 'Замок',-- уже существенно отличаются).
Никогда уже (как в письмах к Фелиции), Кафка не позволит себе так 'открываться', порой высвечивая и выставляя на показ то самое сокровенное, что у него есть. Никогда больше Ф. Кафка не будет казаться настолько беззащитным, чтобы кого-то умолять, переходя на заведомо просительный тон и вызывая в душе другого те жалостливые нотки, от которых не может удержаться и мужчина, а что тогда говорить о женщине?! Вернее, быть может даже и не женщины, а всего лишь хрупкой и беззащитной (и более чем все другие -- неуверенной в себе) девушки. Каковою и была (или это только Кафка ее такой видел?) Фелиция Б.
И вот тут, как раз, мы вплотную подошли к тем невротическим состояниям, которые испытывал тогда Кафка. Ибо именно с позиции них, -- следует интерпретировать (объяснять) все, до чего себя 'доводил' Франц Кафка в 'общении' с 'возлюбленной'. Потому как, уже и истеричность (являющаяся следствием невроза), произрастала своими корнями из, большей частью, восприятия вымышленного (выдуманного им) образа Фелиции Бауэр. Его 'якобы' возлюбленной. И тогда уже, именно это 'якобы' -- вмещало в себя невероятно больше, нежели чем просто констатацию 'связи' с любимой женщиной.
А ведь действительно - (и от письма к письму столь очевидное проявляется все более явственнее) - Франц Кафка сам себя 'загонял в угол' подобным (и проявляющимся в его случае более чем гиперинтекстуально. Даже в парафразе какой-то комедийной наигранности) отношением к предмету любви.
И уже вполне можно заметить (а со временем это проступает все более четче), что Франц Кафка на сотнях исписанных страниц (а вся 'переписка' -- это около полуторатысяч страниц написанных только Кафкой) - попросту ведет диалог сам с собой. И уже его воображение рисует перед собой тот образ (в подсознании: в подсознании:), которому и будет он 'поклоняться' на протяжении долгих пяти лет. И, вероятно, тогда уже именно по отношению к нему (и только!) пытается Франц Кафка и спорить, и ненавидеть, и восторгаться,-- т. е. проявлять тот 'каскад' чувственных эмоций, которые большей частью (как мы предположили) -- адресованы не Фелиции Бауэр. Вернее,-- не ей самой. А лишь ее образу. Тому образу, который столь чудодейственным образом (и главное, -- на протяжении стольких лет) -- она собой

олицетворяла. В воображении Кафки.
И тогда уже, именно из-за той, что 'скрывается' в облике 'возлюбленной' (большей частью вымышленном), Кафка начинает (пока еще искусственно) отдаляется от современных (и, быть может, подсказываемых ему природой) реалий.
Отождествляя себя с кем-то, совсем иным (а равно и свою 'единственную', удостаивая схожей ролью). И, быть может, и перед нами проходят не совсем 'настоящие' люди. А, (как следствие), развивающийся в течении пяти лет 'маскарад',-- следует оценивать почти исключительно с позиции ирреальности происходящего. И уж, конечно же, никак не отдельно, -- от фантазий внутреннего мира. Внутреннего мира Кафки.
И уже вся эта переписка (и как нечто большее - уже сами эти отношения) выглядит не иначе как квинтэссенция расхолаживающегося сознания; уводящего прочь, от груза несбывшихся надежд и иллюзий, и оставаясь понимаемой (и прочувствованной) нами, лишь исключительно в контексте метафорической шкалы бутафорских иллюзий. Навсегда утраченных.
Но уже за неприглядно (для него? для нее?) выставляемом (и выдуманном: выдуманном:) характером отношений Кафки с Фелицией Б., скрывается след и вообще отношений Франца Кафки к женщинам. Что проявляется, хотя бы, по тем их образам да характеристикам, которые представлены (изображены) на страницах его произведений.
И опять же, если принять за аксиому,-- что фантазия автора почти целиком и полностью зависит от его бессознательного (питаясь его корнями),-- то можно представить -- насколько глубоко в подсознании Кафки залегала травма (неудачных по сути) его 'общений' с женщинам. (До встречи с Фелицией, весь его 'опыт' сводился к не совсем удачной - первой - 'связи' то ли с горничной, то ли с гувернанткой, а чуть позже - и таких же 'неуверенных' попыток с проститутками).
(Хотя быть может, если попробовать проанализировать сами истоки подобного его страха по отношению к женщинам,-- то нам следует вернуться или в самую раннюю - фаллическую - стадию, или вообще -- обратить внимание на сепарационную тревогу в предэдипальный период).
Но уже как бы то ни было, - подобная отрицательная установка по отношению к женщинам (служившая подтверждением вышесказанному) -- находила свое (более чем реальное) воплощение в образах женщин, появляющихся на страницах произведений Кафки.
Первой, из целого ряда типичных имен представительниц женского пола, перед нами появляется фрейлин Клара Поллундер, -- дочь господина Поллундера из романа 'Америка'.
И уже как раз здесь, впервые, (а, напомним, роман 'Америка' самый ранний из сочиненных Кафкой романов) предстает перед нами некая взбалмошная особа, которая, конечно же (и, по отдельным штришкам раскрываемого перед нами образа можно судить, что это так) знает, что она хочет. Но вот загадка (простая до своей ярко выраженной абсурдности) - знаем ли о том мы?
И уже как раз тут, в образе Карла Россмана (рожденного как раз авторской фантазией подсознания), Кафка демонстрирует не только свое отношение к женщине, как к какой-то 'опасности' (пример -- Клара Поллундер), но и еще (и даже в большей мере),-- перед нами показано именно то неприглядное (и страшное, по сути) обстоятельство, когда страх и сомнение в их необходимости (вообще женщин в целом), заслоняют собой собственно желание (веяние 'природы', инстинкт, либидо), какого бы то ни было (уже форма не столь важна), 'общения' с ними.
А Брунельда!.. Эта богатая, 'некогда популярная' (быть может, и действительно когда-то знаменитая), актриса, -- показана в ассоциативном ряду со столь многочисленными (нелестными, и, по сути, отвратительными) характеристиками,-- (чего только стоит один ее демонический вид, наряду с глупостью и повадками экзальтированной особы),-- что впору схватиться за голову, да задаться вопросом: чем же так 'насолили' Кафке женщины?
Но не надо задавать лишних вопросов (ответ на которые не то что очевиден, но и страшен по своей загадочности).
Тем более, что сам Кафка, здесь, как будто, даже и 'ни причем'. А в контексте проступаемого (и столь ярко вырисовывающегося) бессознательного, вполне можно отыскать (при желании),-- и ответ, и разгадку.
И тогда уже (заключаем мы), что даже и не Кафка, как будто бы, 'виноват'. И не его, (оказавшееся 'подставленным') подсознание. А не иначе как весь нуминозный опыт человечества (его мужской части), все коллективное бессознательное - становится тут не только задействовано, но и начинает играть столь ответственную да важную роль (а о его непреложности участия даже сомнений быть не должно), что, пожалуй, вовремя замираешь от мысли, насколько все заранее предсказуемо.

А Ф. Кафка:. Франц Кафка выступит, исключительно, в роли некоего связующего звена (между прошлым и будущим, между правдой и вымыслом, между мужчиной и женщиной); и кажется, что только его гениальный (до подсознательной боли гениальности) интеллект (наряду с рождающейся в подсознании фантазией), -- способны представить перед нами картину маниакальной непредсказуемости действий. Наших?.. Его?.. Героев?.. Ответы на вопросы не суть важны.
Главное:
И уже если вернуться к женским образам, изображаемых на страницах произведений Кафки, то уже без сомнений (а наоборот,-- как бы подтверждением нашей предполагаемой теории о истории возникновения да существования подсознательного страха, а равно неприятии как такового), характер раскрытия представленных имен и в 'Замке' (Фрида; хозяйка постоялого двора; сестры Барнабе - Амалия и Ольга), и в 'Процессе' (сиделка адвоката - Лени; жена - женщина без имени - мелкого служащего суда; постоялица той же хозяйки, что и К. - фройляйн Бюрстнер; сама хозяйка - фрау Грубах; и др.), не иначе как, свидетельствуют только об одном: о подсознательной мысли Кафки 'о недоверии' к женщинам.
И уже, наверное, не суть важно сопоставление героинь произведений с реальными женщинами, встречавшимися Кафке. Намного важнее совсем другое. И тогда мы уже заключаем, что скептицизм, страх, загадочность его отношения и к тем, и к другим - следует искать именно (исключительно) в бессознательном Кафки.
В том самом бессознательном, в котором (по всей видимости) вообще образ женщины - соткан из таинственных нитей. Быть может, и... ненужности их существования...
P.S. ...И уже тогда мы начинаем понимать, что,-- мотивационная предрасположенность подсознательных интерпретаций,-- зависела, главным образом, именно от невроза. От того самого невроза, который буквально загонял Кафку в угол; вырисовывая, зачастую, иную (и оттого отличную от других) картину осознавания действительности.
И уже где-то вслед за подобным осознаванием, - рождались творения, несхожие в своей абсурдной непредсказуемости ни на какие больше.
А сам Кафка вынужден был 'играть',-- по совсем иным правилам; осваивая (а быть может в чем-то и заново рождая), какие-то и совсем новые ролевые позиции. Те, что позже, (имея, заметим, на то полное основание) Набоков отнесет к модернизму (модернизму, в ключевой принадлежности которого творил и сам, и начало которому - в жанровом великолепии - датировал, начиная от Пруста и Кафки, а после Кафки,-- отправлял к Джойсу, а уже после, вероятно, и к себе).
А что до самого Кафки, и его отношений к женщинам, то, вероятно, ему вполне можно было простить не только это, но и вообще многое что другое.
Тем более, что, по всей видимости, на любое самоутверждение (каким бы образом это не происходило),-- австрийский 'гений',-- имел полное право!